коп.

УРЗИЛКА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА
ИЗДАНИЕ
„РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ"

ЕТ
ы!

М!

в.

24 г.

№ 6

Мы идем, мы идем,
Всех буржуев изведем.

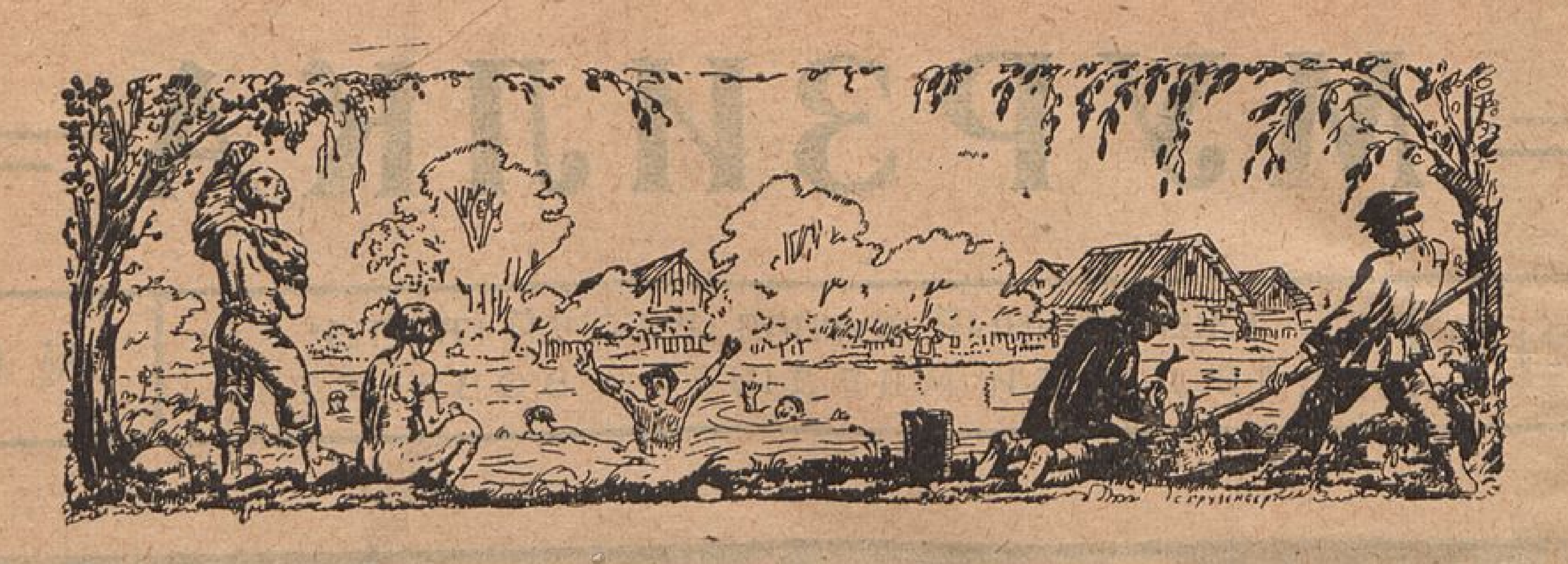

МУРЗИЛКА

1924 г.	ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА.	№ 6.

„Раз, два, три...
Октябрята мы“.

СЕМА В ДЕРЕВНЕ

1.

Лето к концу, а погода стоит ясная и теплая. Трава стала сухая и желтая. Лес весь оделся в золотое, розовое, красное. В ярких лучах солнца трава кажется золотой, и деревья тоже горят золотом.

Собрались ребята и пионеры.

— Кого направить в деревню?

— Яшу.

— Ему и в городе много дела. Спектакль—раз; на Красную площадь пойдем—два.

— Борю послать.

— Он по школам пойдет членов для „Друзей детей" записывать.

— Ну, тогда Сему.

— Мал больно.

— И чего ты, Яшка, задаешься? Я-то мал? Кабы не был пионером, показал бы тебе... Мал, тоже!..

— Ну, ну, не говорить лишнего, я тебе слова не давал. Ладно, Семка пусть едет.

— А что он делать станет?

— Да что ты,—то мал, то делать что буду... Знаю я, что надо делать.

— Ну, хорошо. Поговорим потом, а пока за дела. Собрание закрыто.

II

Сема рад. Взял журналы, собрался в два счета и на вокзал.

Вот и станция, а через полчаса и деревня. На пригорке играли ребята.

Сема—к ним.

— Здорово, ребята!..

А те стоят и смотрят: откуда, мол, взялся?

— Ну, чего уставились? Глядите, что я привез.

Ребята подошли ближе. Даже Дуняша куклу в повозке подкатила.

— Степ, а что это у его?

— Книжка. Гляди, картинки цветные.

Сели ребята в кружок.

А Сема стал, как, бывало, Яша в отряде, и говорить начал, а потом книжку читать принялся.

— Постой... звать тебя как?

— Сема.

— Зачем ты приехал?

— А ты Ильича знаешь?

— Слыхал, не лыком шиты...

— Так вот, Ильич, умирая, завещал нам, ребятам, в дружбе жить. Чтоб, значит, городские и деревенские друг другу помогали.

— А как это помогать?

— Да просто. Мы вам—книг, а вы—что у вас есть. Расскажете, как хлеб сеять, и все такое. А мы про фабрики, про город, про нашу работу расскажем.

— Конечно, работа она и есть работа. И скучно, и трудно.

— Эх, ты! Скучно, трудно. Это тогда, когда не знаешь, зачем работаешь.

— Ах, ты, больно остер! Поди, знаешь какой секрет, что от работы весело?

— Знаю.

— Ну, какой?

— А вот какой: когда знаешь, для чего работаешь, то и весело. Когда знаешь, что от твоей работы в мире людям лучше жить станет,—и весело, и легко. Вот я узнал, как вы живете и работаете. Вы узнали о городе. Мы теперь знаем, что мы друг для друга работаем. Если мы залежимся,—вам плохо. А вы хлеба не посеете, и мы голодные будем. Выходит, нам друг без друга нельзя. А как начнем вместе думать, как все получше устроить, да как вместе дружно примемся за работу, то и вовсе другую и счастливую жизнь устроим.

— Ну, это когда-то еще будет!

— Ясно, не завтра. Мы еще не большие.

— Ну, а пока?

— А пока будем вместе книжки читать и играть. Вот теперь у нас праздник урожая. Давайте нарвем елок, украсим школу, избу-читальню. А потом сделаем флаги и завтра пойдем с песнями по деревне. Соберем всех ребят. А потом играть будем. Ночью костер разведем, петь станем.

— Ура, ура!... Вот это дело!..

И ребята побежали на деревню.

Дуняша—за ними; кукла так и прыгает в повозочке, вот-вот вывалится. А Дуняша не отстает.

О.

БАРАБАН

Барабан стучит: тром-тром...
Всю Москву мы с ним пройдем.
Пусть кругом на нас глядят:
Вот он—Ленинский отряд!

Мы идем и поем,
Знамя красное несем,
В барабан веселый бьем:
Тром-том-том, тром-том-том.

Выйдем в пашни и в луга.
Нам дорога далека:
Мы идем в деревни, в сёла
Повидаться с комсомолом.
Мы сыграем с ним в футбол
И набьем здоровый гол.

Хоть итти и далеко,
С барабаном нам легко.
Помогай нам, барабан:
Тром-том-том, тран-тан-тан!

Л. З.

ЛЕНЬКА-МОНТЕР.

I

Переехал Ленька на новую квартиру. Комната большая, светлая.

Разобрались. Кровати, сундук, стулья--все, как надо, расставили.

Долго убирались.

Тут и темнеть стало.

Мать взяла жестянку, собралась итти в лавочку за керосином, а отец говорит:

— Не ходи, я, может, у кого из жильцов лампочкой разживусь, электричество зажжем.

И пошел в комнату рядом, к соседу, а Ленька за ним. И слышит, как отец просит:

— Товарищ, нет ли лишней электрической лампочки? Одолжите, пожалуйста, до завтра.

Ну, что ж, соседу не жалко,—дал лампочку.

Ленька в первый раз видел такую. На старой квартире керосиновую зажигали, а эта совсем другая: стеклянная, пузатенькая, а внутри палочка тоже стеклянная, и на ней—как паучок о семи ножках, а наверху пупырышек. Как же это гореть будет?

Встал отец на стол, ввернул наверху под потолком лампочку, а потом на стене у двери повернул шишечку.

Ух, ты! Как светло вдруг стало! Лампочка под потолком, как звездочка, светится.

Дай, дай, папанька, и я зажгу!

Эх, и занятно! Щелк туда,—темно! Щелк сюда,—светло. Щелк, щелк, щелк...

Так бы весь день и щелкал.

А мать заругалась:

— Не балуй, озорник, выключатель испортишь. Это тебе не игрушка!

II

Вот и стали жить на новой квартире. Ленька старую и не вспоминает. Эта лучше. Тут и со стен не течет, и печь не дымит, и клопы не кусают... А уж лучше всего электричество. Как зажгут вечером, сразу весело сделается,—было темно, стало светло.

И отчего это? Что там горит? Как бы узнать?

Придет отец с работы, а Ленька к нему пристает:

— Что там горит? Почему без спичек зажигается?

Ленька не отстанет. Все ему расскажи. Отец ведь понимает, он—монтер, электричество проводит. Вот и начнет он рассказывать:

— Вот, значит, сынок, по проводу ток идет...

А Ленька опять:

— Какой ток? Кто его пустил? Отчего его не видать?..

И пошел, и пошел...

III

Раз вечером собралась мать к заказчице отнести работу. И ушла.

Остались Ленька с Катюшкой одни. Что ж, это не в первый раз, они не боятся. Будут играть, а там и отец скоро придет.

Стали играть.

Сначала в пряталки. Только Катюшка не умеет: спрячет голову под подушку и думает, что не видно ее.

Потом в салочки.

И в трамвай играли: Ленька будто вагоновожатый, а Катюшка пассажирка безбилетная, и он ее высаживал из трамвая. Веселые все игры! Во что-бы еще поиграть?

— Давай, Катюшка, в жуликов играть!—

Катюшка на все согласна. В жуликов,—так в жуликов.

Ведет Ленька жулика, а жулик вырывается.

— Стой, стрелять буду! Пу! Пу! Бац! Бац!

— Ну, теперь пойдем в тюрьму. Только где у нас тюрьма-то? А, вот тюрьма,—под кроватью. Лезь, жулик, под кровать.

Полезла, было, Катюшка, да забоялась.

— Леничка, там темно, я боюсь.

— Эх, ты, боишься, а еще жулик! Жулики ничего не боятся. Ну, погоди, я сделаю светло. Я в тюрьму электричество проведу.

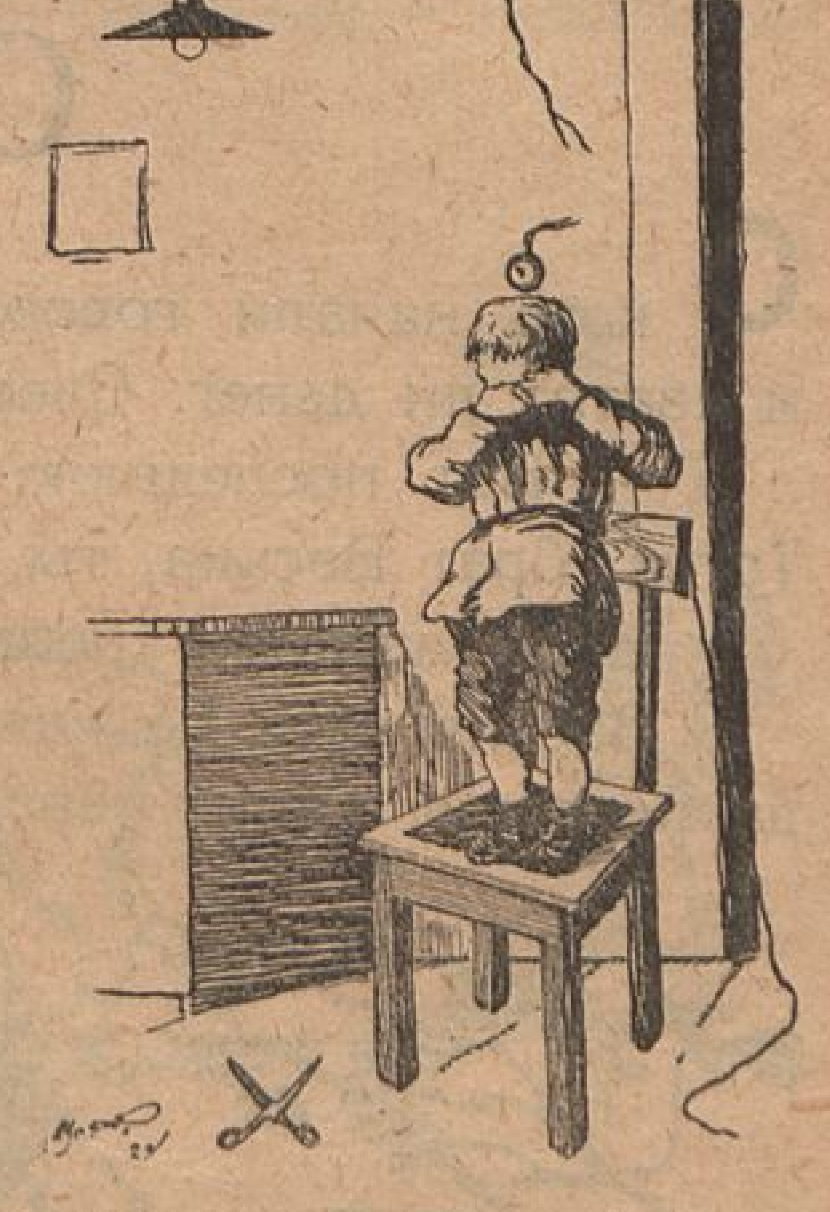
— Взаправдашнее?

— А ты думаешь как? Я умею проводить, видал, как папанька жильцу проводил. Принес большой, бо-о-ль-шой шнур, ножницами кусок отрезал да по стене и протянул.

— А где ж ты электричество возьмешь?

— Э, да у нас много его. Видишь, и на потолке, и по стене шнур, а в шнуре ток. Вот он, ток-то, и горит. Я кусочек шнура отрежу.

Взял Ленька у матери из шкатулки ножницы; на стул влез, стал провод резать. Сопит, язык высунул,— ножницы тупые. И толстый же этот провод, да еще двойной, как коса заплетен. Даже пальцы заболели, Ну, еще немного, и конец!..

— А-а-а-а-ай!..

Стало темно. Электричество погасло. Ток ушел.

Ленька кричит, руками трясет:

— А-а-а-а, колет, колет!..

Катюшка плачет:

— Темно, боюсь, боюсь...

Что только тут было!

IV

Вернулась мать.

— Ленька, Катюшка, чтой-то вы впотьмах сидите? Зажги электричество, Ленька.

Ленька молчит, всхлипывает.

— Да чего ты? Зажги огонь, говорю.

Опять молчит.

— Ну, я сама зажгу.

Подошла к выключателю: щелк,—темно, щелк,— все темно. Вот тебе и на!

Нашарила впотьмах спички, чиркнула. Смотрит: Ленька на стуле стоит, плачет, на полу ножницы, шнур перерезан...

Ну, и попало же Леньке! Долго помнил, как электричество проводить.

С тех пор прозвали Леньку монтером.

М. Баршева.

Событие

О козе начали говорить еще зимой, — где купить, да какую, и хватит ли денег. Слесарь Егор прямо сказал:

— Вот последнюю получку получу, тогда и купить можно. Тогда, брат Васька, ты у меня молоком обопьешься!

И он ласково трепал сынишку по плечу.

Васька чуть не каждую ночь видел козу во сне. Вся бе-елая, да рогастая. Стоит перед ним и блеет: „Купи меня, Васька, купи!“...

Уж очень Ваське хотелось, чтоб у них коза была!

Ну, вот и пришло это время, что привел Егор с рынка козу на веревке.

Вся семья на двор высыпала. Глядят, не нарадуются. А Васька и боится ее рогов, и погладить ему козу хочется.

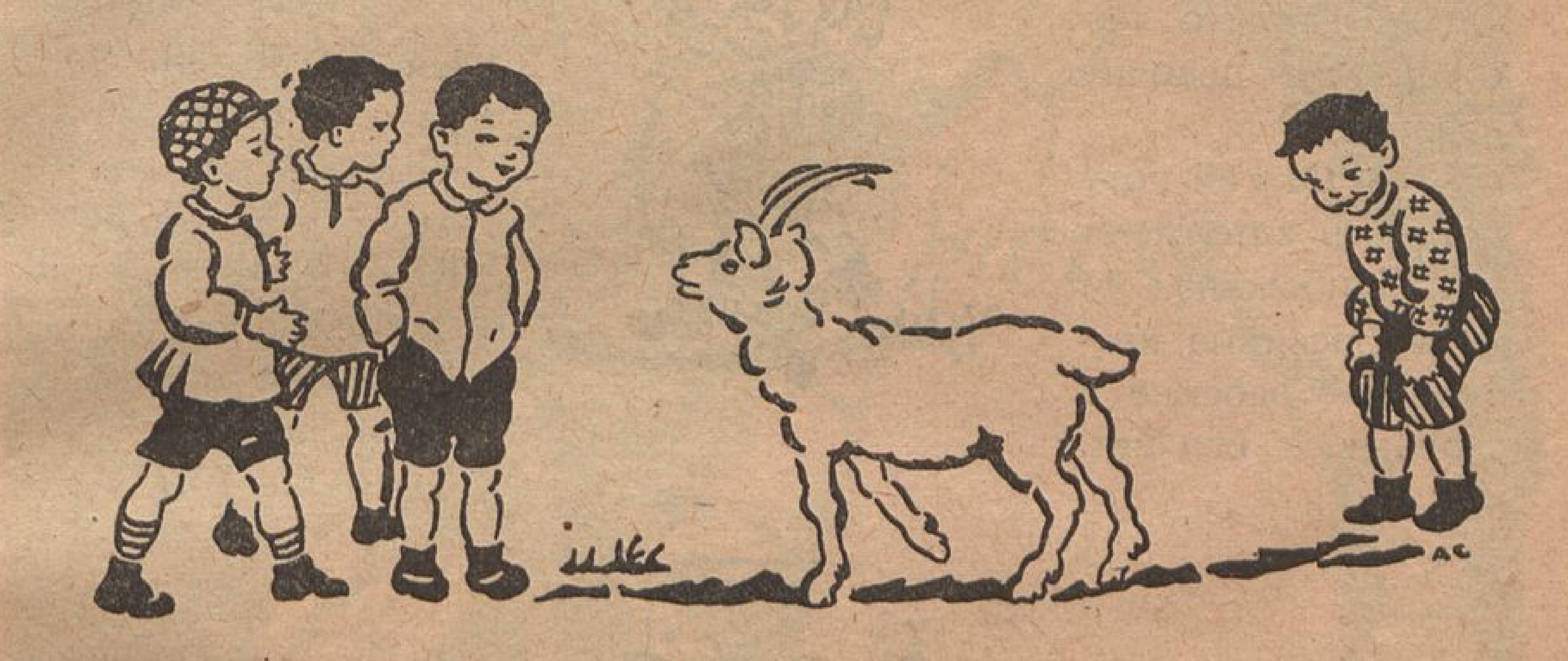
Отвели козу в сарайчик. Васька не отходит от нее. Вот так бы взял ее на руки и носил бы с собой.

Со своего двора и с соседнего ребята сбежались.

— Васька! Покажь, где коза-то у вас.

— А вот, гляди!..

И Васька с восторгом отворял дверь в сарайчик и показывал свое сокровище...

Обедать кликнули,—он наскоро похлебал щей и опять в сарай.

После обеда ушел отец со двора, а мать отдохнуть прилегла.

А Ваське все не терпится, с кем бы еще радостью своей поделиться. Да вспомнил про сестренку. „Вот, — думает, — лежит Танька в люльке и ничего не знает. Надо и ей козу показать!..“

Пробрался домой,—уж он тащил, тащил Таньку из люльки, еле вытащил. С трудом донес до сарайчика.

А Танька проснулась, заплакала, замахала ручонками. Да Ваську этим не смутишь.

Поднес он ее к козе и говорит:

— Гляди, Танька, коза-то какая!

А Танька ревет благим матом.

— Коза, говорю, какая, ты погляди только!.. Рогастая!

Танька на весь двор заливается.

— Да ты глазком-то хоть погляди!.. Ну, что, право.

Из себя Танька выходит, надрывается.

Услыхала соседка на дворе, прибежала в сарай. На Ваську накинулась:

— Ты что, пострел, тут девочку дразнишь?

— Да я ей козу показать хотел!..

Прибежала и мать Васькина, хватилась — ребенка в люльке, а его нет.

И она на Ваську напустилась:

— Выдумает тоже!.. В уме ли ты?!.

Стоит Васька весь красный, как рак, понять ничего не может, за что его бранят. Как же, этакое событие произошло, а Танька о нем и знать не знает!

А. И—ов.

Воля.

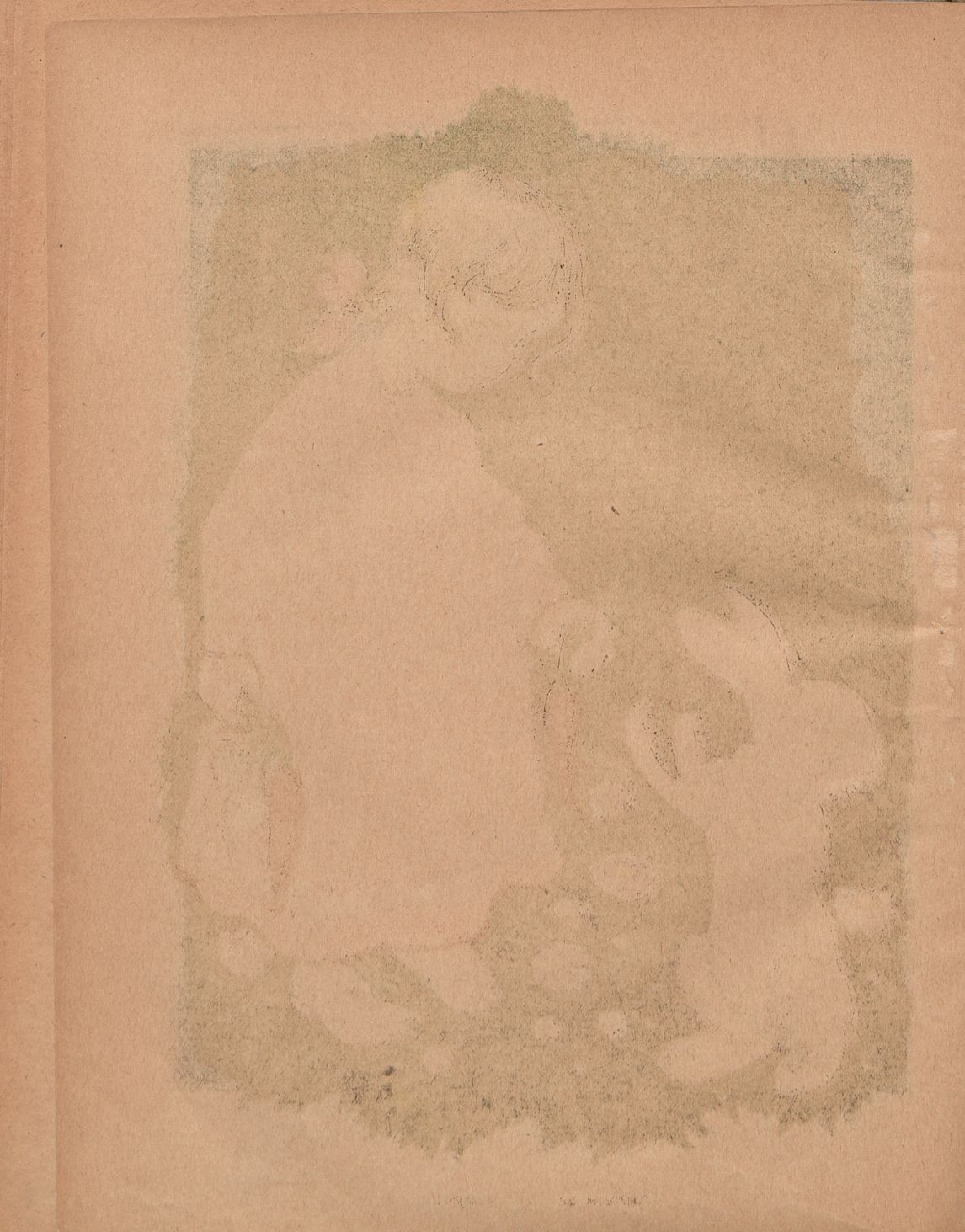
Милый Зайка-прыгунок,
Заходи-ка в наш домок.
Будешь жить ты безопасно,
Кушать вволю и прекрасно.
Все, что любишь, для тебя
Заготовлю вволю я:
И капусты, и морковки,
Будешь ты всегда в обновке.

Засмеялся прыгунок:
— „Нет, уж я пойду в лесок:
Там хоть голодно порою,
Там хоть мне и нет покою,—
Там—вся заячья семья,
И живу на воле я!..“

Т. О.

Милый зайка прыгунок.

Под деревом каучуковым,
Высоким и прекрасным,
В Америке, в шалашике
Сидит индеец красный.

На дереве каучуковом
Сплетаются лианы.
Из них индеец лестницу
Сплел нынче утром рано.

Залез по ней на дерево
И вырубил в нем жолоб
От верха и вплоть до низу.
Устал и слез, — еще бы!

Трубу он взял железную
И снизу в жолоб вставил,
А под трубу ведерочку
Тихонечко подставил.

Под деревом каучуковым
Сидит и отдыхает,
А белый сок из дерева
Стекает да стекает.

Как до краев накопится,
На сковороду выльет,
Опять приставит к дереву
И крикнет: — „Тили, Кили!"

Бегут к нему два мальчика,
Как он, таких-же красных,
И сок давай давить в каучук
Из корешочков разных.

Каучук свернулся в катышки
От этого от сока.
Их Тили с Кили вынут вон,
Скатают в ком высокий.

Индейка-мать возьмет, начнет
Катать, как тесто, скалкой
И блин на колышек наткнет,
Пусть сохнет так, на палке.

Идет купец, несет товар:
— „Отдай каучук, ружье дам,
Дам длинный нож, дам пороху“.
Индеец взял и продал.

Плывет купец, вода кругом,
Земли хоть-бы немножко...
Плывет купец, привез купец
Каучуковых лепешек.

Шумит завод, дрожит завод
И, что-же это значит?
Смотри, готов он—скок-поскок—
Резиновый твой мячик.

Лови его, кидай его...
А дерево засохло,
Засохло там, в Америке.
Весь, видно, вытек сок-то.

И под другим, точь-в-точь таким,
И стройным, и прекрасным,
Сидит себе в шалашике
В лесу индеец красный.

Он нож сломал, тот—длинный нож,
И порох весь... И рано
Он утром лестницу плетет
Из вьющейся лианы.

Залез по ней на дерево
И вырубил в нем жолоб
От верха и вплоть до низу...
И сок течет,—еще-бы!

Лев Зилов.

Добывание каучука.

Гостиница „Добро пожаловать“.

Облюбовал Паук-Паукович местечко между двумя веточками старой яблони и принялся за работу.

Трудится Паук-Паукович, ткет паутину, а сам думушку думает:

— Раскину я паутину крепкую от одной веточку до другой, а над паутиной прикреплю листок с надписью: Гостиница „Добро пожаловать“. И полетят ко мне, в паутину, глупые мошки да букашки и прочая мелкота, а я всех их буду принимать радушно, по-своему.

Облизнулся даже Паук-Паукович при мысли, как он будет мошек да букашек принимать. Ох уж, нечего сказать, гостеприимный хозяин Паук-Паукович! Такой гостеприимный, что от тех гостей, которые попадали к нему в гости, оставались только лапки да крылышки.

„Хорошая паутина выйдет,—думает Паук-Паукович,—такая хорошая, что ни одна мошка, ни одна козявка из нее не вырвется. Надо только скорее кончать свою работу да приглашать гостей дорогих, а то проголодался я не на шутку!“

Спешит Паук-Паукович кончить свою работу, перебегает от веточки к веточке, паутинные нити закрепляет, все старается, чтобы покрепче вышла его работа.

А покончив с паутиной, выбрал Паук-Паукович листок и нарисовал на нем большими буквами:

Гостиница „Добро пожаловать“.

Прикрепил Паук-Паукович листок с надписью на самое видное место около своей хитро сплетенной паутины, а сам в стороне притаился, ждет-поджидает, когда гости дорогие ему, Пауку-Пауковичу на съедение пожалуют.

— Вот хорошо было бы, если бы сразу две или три мошки-букашки: управился бы я с ними со всеми и был бы сыт до самого вечера, а за это время, наверное, и еще кто-нибудь пожаловал бы,—значит, и поужинать мне было бы чем.

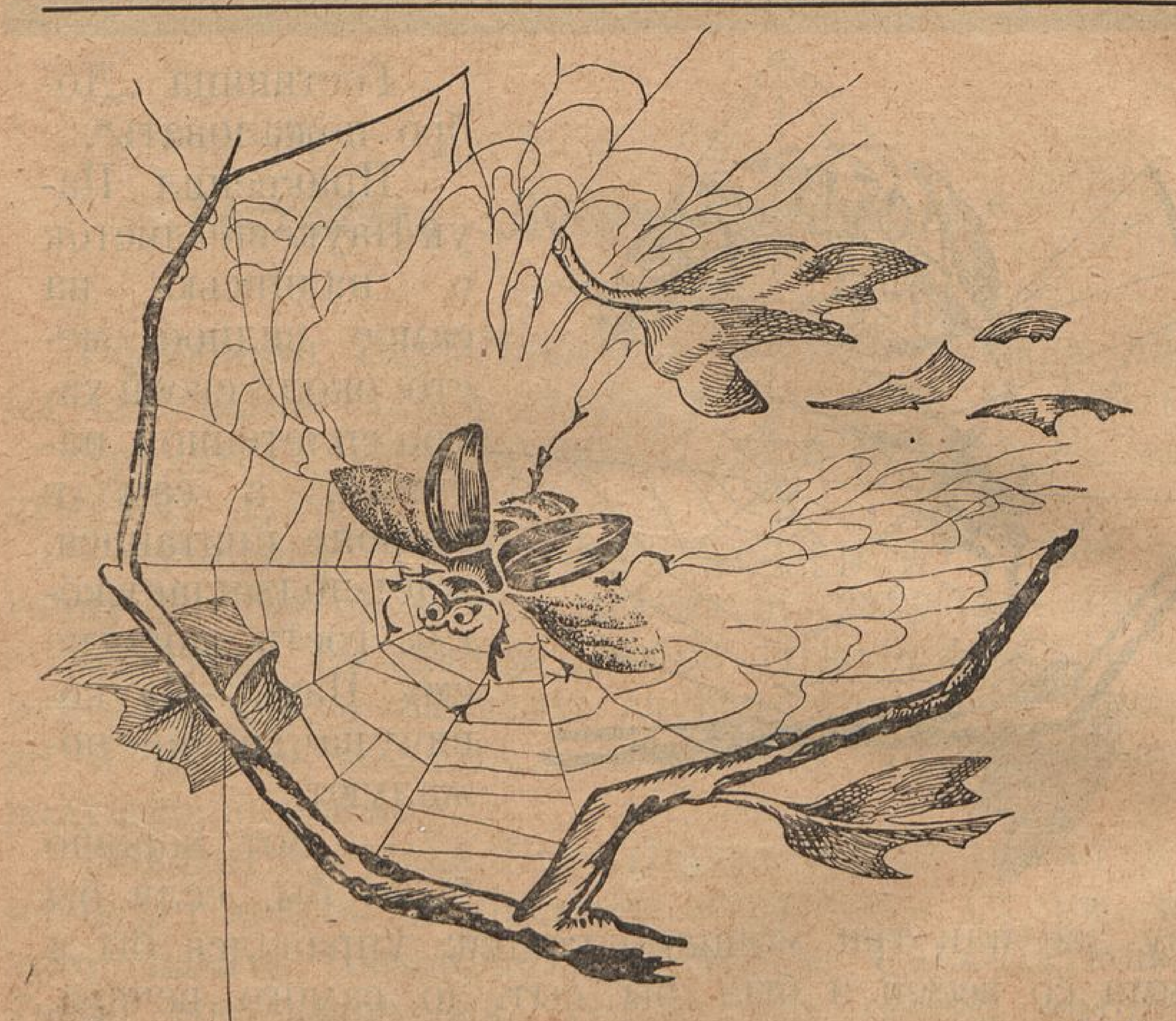
Так думал Паук-Паукович, притаясь возле своей паутины, ан вышло совсем по-иному.

Летел, гудел большой степенный жук возле яблони, увидел листок с надписью: Гостиница „Добро пожаловать“.

Обрадовался:

— Вот и отлично! Сейчас я отдохну и подкреплюсь, как следует, а то уж очень устал я, с самого утра летая.

Налетел жук на паутину Паука-Пауковича, разорвал ее в клочки и загудел сердито:

— Где же здесь гостиница? Ничего нигде не видно! Что это за шутки! Я жук серьезный, степенный, не люблю, когда надо мной шутки шутят.

Страх как рассердился жук, разметал, уничтожил всю паутину и полетел дальше.

А Паук-Паукович остался ни с чем, как [говорится, не солоно хлебавши, и долго, долго сидел пригорюнившись, утирая лапками слезы.

Е. Шведер.

Ученье—свет, а неученье—тьма.

В старинной поговорке—
Не мудрость ли сама?
Поймешь без отговорки,
Что неученье—тьма.

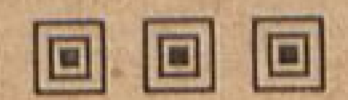
С картинками букварик
С тобою мы возьмем,—
Скорей зажжем фонарик
И в темноту пойдем!

Как весело во мраке
Фонариком качать,
Знакомых звуков знаки
Учиться различать.

И будет все, как в сказке,
И буквы запоют.
Их дальше без указки
Глаза твои найдут.

Светись, светись, фонарик,
Не гасни никогда!
Запомни же букварик
На долгие года!

Николай Ашукин.

Состязание моделей самолетов.

15 августа в Москве, в саду имени К. Либкнехта, происходило состязание игрушечных самолетов-моделей.

В Москве есть особые модельные курсы. Инструктора-моделисты изготовляют точные модели самолетов и время от времени устраивают состязания,—чей аппарат полетит лучше.

На нашем рисунке изображен момент перед началом полета игрушечных самолетов и ребята, изготовившие их.

А кто из вас заинтересуется этой работой,—пусть обращается в Организацию Спорт-секции Московского Общества Друзей Воздушного Флота.

ПРО КОТА

Сердитый сегодня кот, хмурый,
Усами поводит.
Не дали коту молочка-то
Сказали:—„Не стоит“.
С чего вдруг такая немилость?
—„Слизал, вишь, сметану
Да съел (эка важность!) цыпленка“.
Ну, больше не станет,
Сметана и так бы прокисла,
Цыпленок—туда и дорога,-
Пискун желторотый! Одна неприятность,
Корысти не много,
Придралися к случаю просто,
Обидеть не долго.
Из таких пустяков
Шуму-то сколько!
А что ловит мышей,—
Не считают;
Ни за что, ни про что
Обижают.

П. Рыбаков.

Письма в редакцию.

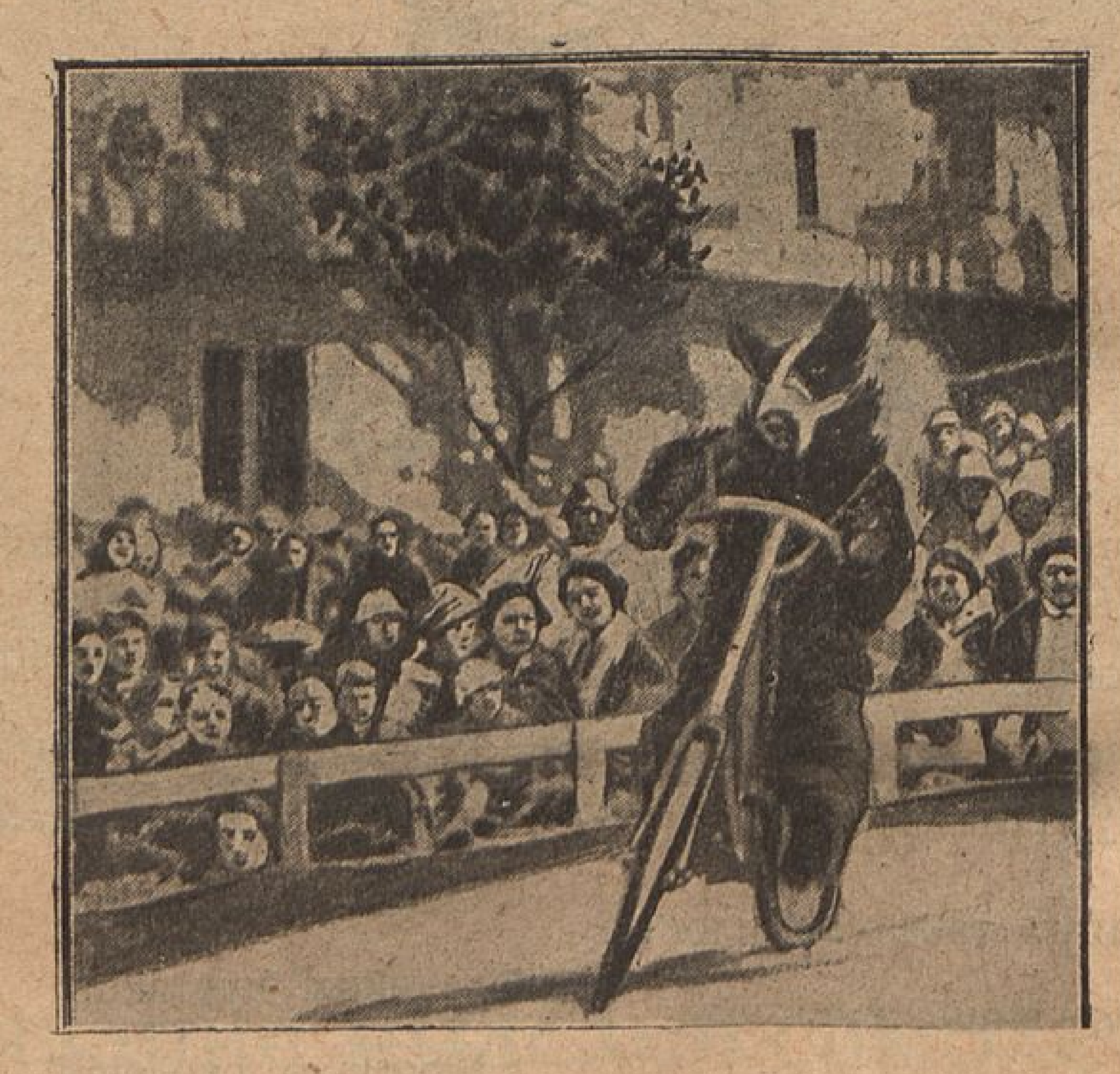
Мишка на велосипеде.

В детских больницах, в Америке, больным ребятам время от времени дают интересные развлечения. То приезжают клоуны из цирка, то привозят дрессированных животных.

А вот недавно по всем детским больницам возили ученого медведя Тедди, который ловко катался на велосипеде. Катался не хуже опытного велосипедиста.

Ребята были в восторге от Мишки и угощали его сахаром, конфетами, печеньем, чем Мишка тоже остался очень доволен.

Сан-Франциско, Америка. *С.*

Коты почталионы.

Тов. Редактор! Знаете ли вы такую необычайную вещь?

В числе служащих на почте в Америке находится более тысячи котов, распределенных по разным почтовым учреждениям; они обязаны оберегать мешки с депешами от крыс и мышей.

Эти стражи получают вознаграждение в виде пищи и постели. Когда бывают новорожденные котята, об этом доносят почт-директору, и тогда на котел выдают добавочную сумму, чтобы кормить новорожденных чиновников-котят.

Кот почталион

Природные летчики

Доклад паука.

Когда вы гуляете осенью по полям,—наверно видите, как летит по воздуху паутина. Часто вдруг ни с того, ни сего—на лицо вам сядет паутина.

Тогда извините,—это наш брат, паук, неудачно попал вам в лицо.

Мы, пауки, иногда желаем переменить место, где живем, и переправиться куда-нибудь подальше. Хотя у нас и восемь ног,—но на них далеко не уйдешь. Мы любим лучше летать по воздуху — без крыльев.

Летящий паук.

Вы там строите самолеты,— а мы обходимся без этого.

Прежде всего, что такое наша паутина? Брюшко у паука усеяно крошечными бугорками. Из этих бугорков мы можем выделять особую жидкость, которая быстро твердеет на воздухе тонкой ниточкой—паутинкой.

Вот когда мы хотим летать по воздуху, то мы вытягиваем из каждого бугорка по длинной паутинке, но не обрываем ее, а оставляем висеть свободно.

Налетает порыв ветра, — он подхватывает нас и несет по воздуху. Нити—паутинки развеваются по воздуху и поддерживают нас.

Летит, летит паук и вдруг захочет опуститься на землю. Тогда паук подбирает одну паутинку за другой, — свертывает в комочек и после этого постепенно благополучно опускается вниз.

Мы, пауки, любим жить в одиночестве, и улетаем мы со своего места тогда, когда около нас поселится другой паук. А также и от своих собственных детей улетаем мы. Пусть их живут сами по себе, а мы — сами по себе будем жить. Так для нас, пауков удобнее.

Паук перед полетом.

Мурзилка!

Посылаю тебе фотографию, снятую с меня, когда я катаюсь

Верхом на аллигаторе.

на аллигаторе. Ему 110 лет, но он слушается меня. Правда, для безопасности, ему на его страш-

Два друга.

ную пасть надевают особую узду, а то бы мне не сдобровать. У него огромная пасть и страшные зубы.

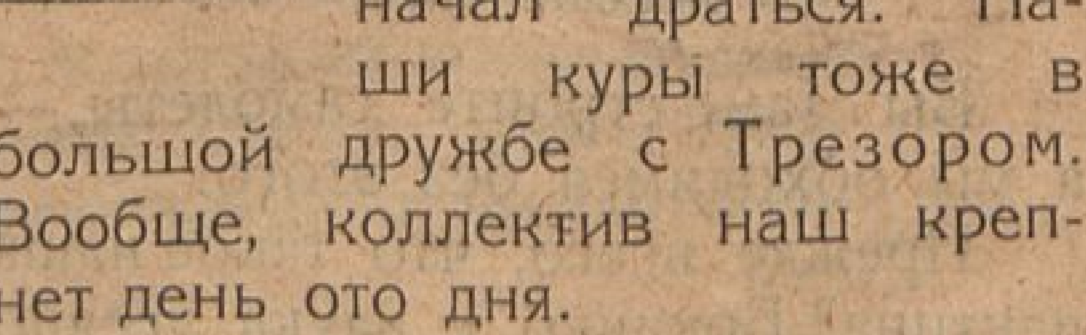
Джимми Бой.

Америка. Филадельфия.

В редакцию.

Вот вам, дорогие товарищи, наш портрет.

Два близких друга: я, петух, и наша дворовая собака Трезорка. Я очень люблю отдыхать, сидя у Трезорки на спине. Чувствуешь себя необычайно спокойно: всетаки — Трезор — защита надежная. А Трезор — от меня без ума. Недавно соседнему петуху хвост ощипал за то, что тот со мной начал драться. Наши куры тоже в

большой дружбе с Трезором. Вообще, коллектив наш крепнет день ото дня.

Петька Петух.

Главлит № 26120. Тип. „Рабочей Газеты", Сущевский Кам.-Кол. вал, д. 63. Тираж 25.000.

РАБОТЫ и ЗАНЯТИЯ

Как „рисовать“ древесными листьями

Прежде чем нарисовать что либо, нужно запастись нижеописанными материалами. Для этого надо набрать, осенью, листьев различной окраски (фиолетовых, красных, черных, желтых и др.), летом зеленых, главным образом, липовых и засушить их в книгах и тетрадках.

Потом нужно приготовить клейстер*) и наконец картон оклеенный белой бумагой.

Сначала давайте нарисуемте идущего в лагерь пионера. Берем приготовленный картон или лист бумаги и обводим общий вид задуманного нами рисунка (см. рис. 1).

Затем по чертежу, начинаем вырезать из листьев требуемые части. Шляпу, провизионный мешок, трусики вырежемте из зеленых листочков, а руки, ноги, лицо, вообще открытые части тела из желтых или желтокрасных. Волосы можно сделать из продырявленного, одежной щеткой, почерневшего листочка, а посох и ремень из коричневого.

Полученные части, наклеим на чертеж клейстером и рисунок будет готов. Таким образом можно нарисовать, что угодно, для наших школьных выставок; целые картины лесов, полей, разнообразные и оригинальные цветы и узоры.

Н. Сок-ов.

*) Приготовление клейстера. Берут немного картофельной муки, смачивают холодно водой до густоты теста, и обливают кипятком, тщательно мешая полученную смесь.

Издатель „Рабочая Газета“. Редактор Н. И. Смир